

[00:00:00]

Елена Ленчук: Сегодня тема нашего круглого стола «Структурные приоритеты новой модели экономического роста России». Мне кажется, тема очень актуальная. Вчера много говорилось о том, какую стратегию мы должны выстраивать. Ясно, что эта стратегия должна в конечном счете быть направлена на повышение уровня и качества жизни нашего населения, и конечно, измерение вот этого уровня, качества жизни, это ВВП на душу населения.

Здесь мы должны говорить о том, какую модель нам нужно построить для того, чтобы сокращать разрыв вот в этом подушевом доходе с развитыми странами мира, и какие темпы роста нам нужны в этой связи. Какие структурные приоритеты могли мы нам обеспечить... Ясно, что на нефть и газ мы сегодня не можем в полной мере рассчитывать, как раньше, на наполнение бюджета, и вообще, на процветание страны. Нам нужны какие-то структурные развороты.

Сегодня идет широкая дискуссия по тому, какие структурные развороты нам нужны, и я думаю, что здесь мы можем обсудить, какие у нас возможности, какие у нас ограничения. Я хочу первому предоставить слово Широу Александру Александровичу, доктору экономических наук, профессору, замдиректора Центрального экономико-математического института, который выступит с достаточно широким взглядом по структурным аспектам экономического роста в России в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Александр Широ: Большое спасибо за возможность выступить на форуме, на этой секции. Исторически наш институт довольно много занимается проблемами взаимодействия динамических структурных характеристик развития экономики. Поэтому мне кажется, что специализированный взгляд на то, как экономическая структура влияет на экономическую динамику, необходим, и тем более он необходим в нашей экономике.

Прежде чем к этому перейти, я хотел бы сказать несколько слов о том, что происходит в экономике сейчас. На самом деле анализ текущей ситуации в некотором смысле показывает то структурное разнообразие и ту структурную неоднородность, которая сложилась в нашей экономике в последнюю четверть века. Если мы посмотрим на то, как формируется текущая экономическая динамика, то можно сказать, что с одной стороны, вроде бы на большинстве внутренних товарных рынков сложилась ситуация равновесия. То есть мы перешли от стадии фронтального спада экономических показателей, экономической стагнации к стабилизации, а в некоторых секторах и к росту.

Но с другой стороны, если посмотреть на эти графики, они довольно общие, но видно, что динамика пока и с точки зрения инвестиционной активности, и с точки зрения динамики промышленного производства достаточно разнонаправленная. Устойчивого роста мы пока не видим. С другой стороны, мы видим устойчивый тренд на снижение объемов кредитования, как оборотного капитала, так и инвестиций в основной капитал, причем в реальном выражении. И вот эта вот проблема является достаточно ключевой, потому что в текущих условиях собственных средств предприятия уже недостаточно для того, чтобы

обеспечивать нормальную инвестиционную деятельность. Ограничения, которые мы имеем в финансовом секторе, становятся все более и более значимыми.

[00:04:54]

Если мы говорим про среднее и долгосрочное развитие, то главная проблема здесь состоит в том, что к сожалению, в результате того, что происходило в нашей экономике в последние 3-4 года, уровень ограничений экономического развития сильно повысился. И это значит, что возможности формирования конструктивной экономической динамики и стратегии развития экономики тоже значительно сократились.

Мы сейчас живем в таком лесу из четырех деревьев и должны найти правильный выход из той ситуации, которая сейчас есть в нашей экономике. В чем проблема? Проблема состоит в том, что все эксперты говорят, что развитие экономики будет связано с инвестициями в основной капитал. Сейчас нет другого драйвера экономики, который мог бы нас вывести на приемлемые темпы экономического роста. Однако рост инвестиционной активности предполагает перераспределение ресурсов в сторону инвестиций в основной капитал.

И тут мы попадаем в ситуацию, при которой в нашей экономике, где ВВП примерно 50 % занимает потребление домашних хозяйств, а объем доходов, которые мы можем направить на цели расширения инвестирования, ограничен, прежде всего тем, что в случае, если мы избыточный объем ресурсов будем направлять на инвестиции, то мы будем сдерживать рост потребления домашних хозяйств. И вот здесь возникает развилка о том, что нам нужны инвестиции, но при этом мы должны поддерживать рост уровня жизни населения. Если эта задача не будет решена, то мы опять скатимся в то, что неоднократно происходило в нашей экономической истории, когда мы разменивали потребление на накопление.

Здесь нужно оговориться, что один из основателей нашего института, академик Еременко в свое время говорил, что ВВП не делится, а складывается. Конечно, если мы обеспечиваем более высокие темпы экономического роста, то у нас возникает больше возможностей для финансирования уровня жизни населения или повышения уровня жизни населения. Но все равно, так или иначе, очень высокие темпы роста инвестиций могут ограничивать желательный для всех нас ход событий, когда доходы населения растут. С другой стороны, рост инвестиций предполагает опережающий рост строительства, производства машиностроительной продукции. Это означает, что мы будем больше ресурсов, в том числе первичных ресурсов тратить на цели поддержания инвестиционного роста.

Тут возникает дилемма с экспортом. Существует ли у нас возможность удерживать те объемы сырьевого экспорта, прежде всего, имеется в виду металлургическая продукция, химическая продукция, которую мы имели до сих пор. Кроме того, понятно, что инвестиции – это строительство, а строительство, к сожалению, в текущих условиях требует притока миграционных ресурсов. Готовы ли мы пожертвовать большими объемами грантов ради того, чтобы расширять строительное производство? Поэтому на

самом деле возможности по наращиванию инвестиций можно примерно посчитать, можно оценить, каковы они могут быть с теми ресурсами, с теми ограничениями, которые есть в нашей экономике.

Для того чтобы обеспечить минимально приемлемый уровень эффективности использования первичных ресурсов, по нашим оценкам норма накоплений, то есть доля инвестиций в структуре ВВП не должна быть ниже 25 % в среднесрочной перспективе. Для сравнения сейчас мы имеем примерно 21 %. То есть нам нужно нарастить долю инвестиций ВВП примерно на 4 %. С другой стороны, при норме накопления свыше 28 % и темпах роста до 5-6 % в год мы уже не можем обеспечить увеличение уровня жизни и доходов населения. Таким образом, та вилка, в которой требуется увеличивать инвестиции в основной капитал, как раз и находится в диапазоне 25 – 28 % ВВП. То есть мы примерно понимаем, какой требуется рост инвестиций в период до 2020 – 2025 года. Нужно понимать, есть ли у нас ресурсы для того, чтобы такую норму накопления обеспечить.

Одна из главных проблем нашей экономики в предыдущие годы – здесь представлен график с 2005 по 2014 год – состоит в том, что мы все-таки имели деформированную структуру формирования ВВП, то есть доходов экономики.

[00:10:00]

Безусловно, изначально мы имели сигнал от внешней экономической деятельности, то есть доходы от экспорта сырья, углеводородов, но в конечном счете эти доходы трансформировались в прирост ВВП через сектор производственных услуг, но в первую очередь непроизводственных. То есть видно, насколько сильная была... вот это вот разложение 100 % в сумме составляет, насколько силен был вклад именно сектора производственных и непроизводственных услуг в формирование ВВП, и какой низкий вклад был, например, сектора знаний, образования, здравоохранения, научных исследований и разработок или высоко- и среднетехнологичных производств. То есть в сумме это было чуть более 10 %.

На самом деле вот такая неоднородность формирования ВВП и породила те проблемы, которые мы сейчас имеем. Соответственно, требуется не просто обеспечить экономике новые доходы. Надо эти новые источники сформировать таким образом, чтобы они были более сбалансированы по сравнению с предыдущей моделью экономического роста, которая была в нашей стране.

Теперь по поводу того, есть ли у нас деньги. На самом деле традиционно говорят: «Денег нет. Держитесь». Но если посмотреть на реальную ситуацию в экономике, то вот здесь на этом слайде представлено два графика. Один из них – это ситуация в банковском секторе. Второй график – это ситуация в экономике и обрабатывающих секторах экономики.

Если мы посмотрим на ситуацию в банковском секторе, то в 2016 году произошло радикальное изменение трендов в банковском секторе. Во-первых, произошел резкий рост прибыли банковского сектора. То есть по итогам года это почти 1 трлн рублей. И произошло одновременное снижение объемов средств, которые направлялись на

резервирование под возможные потери. Это означает, что с одной стороны, банковский бизнес стал больше зарабатывать, с другой стороны, его оценка возможных потерь от невозврата средств со стороны кредиторов постепенно начала снижаться. Это значит, что сам банковский сектор смотрит на ситуацию в экономике уже не так плохо, как это было в 2015 году, где видно, что прирост средств под резервирование возможных потерь составлял больше 1,3 трлн.

Если мы посмотрим на ситуацию в экономике и в обрабатывающих секторах экономики, то видно, что сальдированный финансовый результат за период 2015-2016 года вырос чуть ли не в два раза. В обрабатывающих секторах то же самое. На самом деле видно, что значительная часть экономики получила в результате той ситуации, которая произошла с валютным курсом, и с повышением ценовой конкурентоспособности российских товаров на внешних рынках, значительный объем дополнительных доходов.

Безусловно, если это все дисконтировать, взять в постоянных ценах, то мы увидим там менее благоприятную картину. Но так или иначе, поток ресурсов, ликвидности в реальный сектор, в экономику в целом присутствует. На самом деле проблема состоит в том, что к сожалению, не работает трансмиссионный механизм, то есть вот эти вот свободные ресурсы не транслируются в прирост объемов кредитования, в прирост инвестиций в основной капитал.

Если мы поговорим про ключевую ставку, тоже очень модный топик, модная тема, то наши расчеты показывают, что процентную ставку можно снижать, ее можно снизить до 8 % и никаких серьезных последствий для финансовой системы и для экономики это не повлечет. Но с другой стороны, снижение процентной ставки до такого уровня не приводит к решению тех проблем, которые мы имеем с трансмиссией ресурсов от избыточных секторов, которым финансовые средства нужны.

А если говорить в целом, то снижение ставки до 8 % в текущих условиях – это 5 трлн дополнительных кредитных ресурсов. В принципе, это конечно, поможет экономике, но беда состоит в том, что значительная часть секторов нашей экономики сейчас является ресурсоизбыточными и не предъявляют спрос на инвестиционные ресурсы, прежде всего потому, что они закончили свои инвестиционные программы в 2009, 2010, 2011, 2012 годах. Это сельское хозяйство, это металлургия, это химическое производство. Поэтому проблема в том, что те, у кого есть средства, уже инвестировали, а те, у кого средств нет, не имеют доступа к финансовым ресурсам.

[00:15:00]

Если мы посмотрим на другие важнейшие направления экономической политики, то это прежде всего ситуация с трудовыми ресурсами. Уже есть общее мнение о том, что у нас существенные ограничения по труду, что наше население стареет и так далее. В связи с этим мы не можем развиваться высокими темпами. Наша позиция состоит в том, что если мы посмотрим на структуру занятости населения и на структуру экономически активного населения, вообще суммарного населения России, то здесь есть масса ресурсов, главный

из которых состоит в том, что российское население, прежде всего это те, кто работают, используются неэффективно.

У нас в экономике сейчас за вычетами грантов одна из самых высоких среди окружающих нас стран доля низкоквалифицированного труда. Она составляет почти 26 %. То есть 26 % российских граждан, которые работают в нашей стране на низкоквалифицированных рабочих местах. Это или совсем низкоквалифицированный труд, или это водители, продавцы и так далее.

На самом деле экономика, которая хочет динамично развиваться, не может так расточительно тратить трудовые ресурсы. Кроме того, понятно, что люди, которые работают на таких рабочих местах, получают крайне низкую заработную плату. И это дополнительное давление на социальные институты, которые есть в нашей стране. С другой стороны, если мы посмотрим, как устроена занятость, у нас и в других странах, то прежде всего, надо говорить о том, что у нас избыточная доля управляющего персонала и крайне зажата доля тех, кто формирует новое производство.

Если говорить о перспективах развития нашей экономики, то на мой взгляд, перспективы, безусловно, присутствуют. Они связаны с расширением инвестиционной активности. И здесь важнейший момент – это понимание того, что на первой стадии развития экономической активности, приоритет должен быть отдан внутренним факторам. То есть внутренние факторы роста, потребительский, инвестиционный спрос должны доминировать в динамике формирования ВВП. Это нужно для того, чтобы на базе тех доходов, которые мы можем получить от внутреннего рынка, значительно повысить эффективность производства и в дальнейшем получить возможность для наращивания объемов экспорта.

В целом нам представляется, что среднегодовые темпы роста экономики в периоде с 2017 по 2035 год могут составить до 4 %. В принципе, это позволит нам обеспечить минимально приемлемое сокращение разрыва по уровню подушевого ВВП с наиболее развитыми странами. Хотелось бы, конечно, большего. К сожалению, набор ограничений, которые у нас есть, является достаточно значимым и значительно ограничивает наши возможности. Хотя с другой стороны, я так понимаю, вчера господин Бабкин представлял свою стратегию, которая ориентирована на развитие машиностроительных производств. На мой взгляд, там есть интересные моменты, связанные с тем, что за счет развития именно этого сектора можно получить дополнительный прирост экономической динамики, и таким образом обеспечить более высокий темп экономического роста. Спасибо!

Елена Ленчук: Спасибо большое, Александр Александрович! Хочу поблагодарить вас за интересный доклад. Я хочу предоставить слово Сухареву Олегу Сергеевичу, доктору экономических наук, профессору Института экономики РАН, который выступит с докладом по структурным ограничениям экономического роста. Мне кажется, это будет очень интересно.

Олег Сухарев: Уважаемые коллеги, добрый день! Большое спасибо Елене Борисовне за возможность выступить, за приглашение. Тема достаточно узкая. Многие ею занимаются, причем очень давно. В нашем институте в былые времена отдел **Ноткина [00:19:43]**, который примерно назывался – я просто по памяти – структурные проблемы народного хозяйства. То есть эти проблемы давно исследуются, но сегодня они остры в аспекте запуска экономического роста.

[00:20:13]

Могу сказать, что мое выступление посвящено лишь отдельным моментам, я не могу охватить все. Начну с того, что сейчас существует масса программ и групп, которые разрабатывают какие-то предложения для организации экономического роста. Некоторые такие установки, которые проглядываются в правительственных кругах, я вынес на первый слайд.

Для организации экономического роста необходимо подавить инфляцию до 4 %. Второе: рост заработной платы не должен следовать без роста производительности труда, нужно повысить нормы накопления. Это уже прозвучало. Инновации, промышленная политика, программа развития машиностроения, составляющие суть модернизации экономики, тоже являются своеобразными условиями и установками организации политики роста.

Четвертая позиция: имеются свободные производственные мощности. Здесь оценки плавают, но дается 60 – 65 %. Либералы, конечно, отрицают такую загрузку мощностей. В недавнем интервью в «Российской газете» от 30 января Мау говорит, что все мощности загружены. Посмотрите документ, что называется.

И пятая позиция: структурные реформы, которые в основном сводятся к приватизации судебной, пенсионной реформы, административной, иностранным инвестициям, стимулам малому бизнесу, снижению налогов и приватизации. Из всего перечисленного, на мой взгляд, только приватизация, так или иначе, может оказывать реальное влияние на изменение структуры актива, на соотношение между государственным и частным сектором, и по сути, является в чистом виде структурным воздействием и преобразованием.

В начале преобразований в российской экономике, если вспомнить 90-е годы, также наблюдалось два подхода. Одна группа экономистов выступала за структурные преобразования. Мало того разрабатывались программы о реструктуризации промышленности, о конверсии оборонного сектора. Это программа 1995 – 1997, 1998 – 2000, 2000 – 2004 годов. На них выделялись финансовые назначения, то есть выделялись ресурсы, планировались мероприятия по принципу противохода, то есть сверху вниз и снизу вверх, когда предприятия подавали заявки, а они по тем или иным методикам отбирались. Структурные преобразования рассматривались в качестве фактора, необходимого для изменений в российской экономике, для создания новой модели роста.

По существу, вот эти два подхода. И либеральная ветвь, грубо говоря, отрицала, говорила о структурном маневре. Это максимум, о чем велись разговоры, но в общем-то, рынок

должен сформировать структуру. Структура не рассматривалась, на мой взгляд, как самодовлеющая пропорция, обеспечивающая перспективу развития, а напрасно. Дело в том, что формирующиеся пропорции могут быть настолько устойчивы и сильны, что сами по себе являются институтами, правилами распределения ресурса и очень сильно влияют и предопределяют, и будут это делать. Модель роста в России, о которой сейчас много разговоров.

На следующем слайде показана структура использования ВВП в динамике. Мы видим долю расхода на потребление, верхняя синяя ветвь. Затем доля валового накопления, доля чистого экспорта. Динамика показывает, какой из структурных параметров доминировал. Дальше мы определили темп роста элементов использования ВВП, и как здесь был правильно упомянут Еременко, мы сложили компоненты ВВП, взвесив темп каждой компоненты на ее долю. Вот эти вот вещи подчеркивают вклад, за счет чего же мы росли раньше. Мы хотим организовать новую модель. А как и что было? Вот вы видите темпы прироста элементов.

[00:24:59]

Видно, что расходы на конечное потребление домохозяйств соревнуются с валовыми накоплениями, серая ветвь, которая уступает. Но это по тему роста элементов. Также вы видите, что на кризис 2009 и 2015 года наша экономика отвечает идентично, то есть всплеском чистого экспорта при проседании всех других компонентов: и валового потребления, и валового накопления, и правительственных расходов.

Дальше приведены расчетные значения темпов прироста элементов использования ВВП. $g_c * c$ – это компонента вклад валового потребления, $g_l * n$ – вклад валового накопления, $g_G * a$ – вклад правительственных расходов, и $g_{NX} * b$ – общий вклад, вклад чистого экспорта. Мы видим повторение предыдущего графика в определенном смысле, но с более рельефным позиционированием валового потребления. Обратите внимание: валовое накопление только в 2010 и 2011 годах дало наибольший вклад. Что касается 2009 и 2015 года мы видим идентичную динамику.

Дальше я хотел бы отметить проблему инфляции и роста. Дело в том, что если вы эмпирически изобразите приросты цен и приросты валового продукта... Мы делали и с лагами, и без лагов... Здесь, правда, показаны без лагов, но у нас нет четкой корреляции, что для организации роста обязательно нужна инфляция в 4 %.

Мы имели и фишерский рост, на котором настаивает правительство, что сначала нужно подавить инфляцию, а потом будет рост. Мы имели и зоны шумпетеровского роста, когда инфляция вполне умеренно сопровождает рост. На нижнем графике показана корреляция денежной массы, прироста n_2 и валового продукта. Она положительная, даже если исключить вот эти вот четыре красные точки. С четырьмя красными точками статистическая связь будет хуже, но она все равно будет.

Очень интересный вопрос – инвестиции и процент. Если мы снижаем процентную ставку с 25 % до 8 %, а ниже 8 % она никогда и не была. Конечно, спроса на инвестиционные ресурсы нет. Да, действительно, в структуре инвестиций промпредприятия преобладали

собственные средства в среднем на протяжении всего 15-летия. Поэтому они и не были привязаны к кредитному развитию. Но это же и проблема дальнейшей модернизации.

И обратите внимание, структура экономики такая, что когда вы снижаете процент, инвестиции в реальном секторе возрастают в лучшем случае в два раза, а в финансовом в 8, что говорит об определенном перекосе между реальным и финансовым секторами, который ограничивает модель роста.

На следующем слайде показана проблема нормы накопления. Здесь показано математическое соотношение, из которого следует два режима, когда мы можем расти при высокой норме накопления, и увеличивая ее. В зависимости от институтов, распределяющих инвестиции и обеспечивающих, либо не обеспечивающих капиталообразование, увеличение нормы накопления нам может не дать достаточного темпа роста. Мало того, советская экономика с высокой нормой накопления является блестящим тому подтверждением, когда сама норма была высока, а темпы падали.

На следующих графиках по вот той зависимости для структуры ВВП, где темп компоненты связан с ее долей. Только это показывает подлинный вклад компоненты. Показаны расчеты по наиболее значимым странам. Это США, Китай, Германия и Япония. Я не буду очень уж подробно рассказывать про эти страны, хотя стоит остановиться на Китае. Дело в том, что вот эта структурная раскладка по компонентам ВВП только для Китая дает инвестиционную модель. Для США модель основывалась на валовом потреблении. Это синий график, он доминирует.

Для Германии и Японии все чередовалось, причем достаточно странным образом. Я эту модель назвал смешанной. То есть по структуре ВВП была мешанина по вкладу компонент в динамику. А вот для Китая мы имеем четкое послышное – это нижний график – расположение компонент. Сначала инвестиции, потом валовое потребление, потом правительственные расходы. Но интересно отметить следующее: режим экономической динамики с 2000 по 2015 год по валовому потреблению – это США и Россия.

[00:30:03]

Китай, как я сказал, по инвестиционным расходам. Смешанная модель – это Германия и Япония. А вот что ухудшало или улучшало это динамику. Для России улучшал динамику чистый экспорт, при ухудшении темпов. А ухудшало валовое потребление, инвестиционные и правительственные расходы. Для США улучшали динамику правительственные расходы, ухудшали валовое потребление, инвестиционные расходы, чистый экспорт. Ухудшало в том смысле, что кризис развивался по этим компонентам. В Германии тоже правительственные расходы. Она в определенном смысле копирует модель США. А вот для Китая улучшали динамику все три компоненты: инвестиционный расход, валовое потребление и правительственные расходы. А вот чистый экспорт ухудшал динамику Китая. Что самое интересное еще можно отметить, что чистый экспорт нигде, кроме России, не оказывал определяющего влияния на динамику.

Режимы экономического роста по темпу g . Мы разработали несколько элементарных моделей для России и показали модельные варианты, как они соотносятся с эмпирическими данными.

На нижнем графике справа приведено квадратное позиционирование, это и эмпирический график, и три варианта прорезающие его. Это три разновидности модели, в зависимости от инвестиционной функции и от регулирования связки финансового и реального секторов. Во-первых, и модельно, и эмпирически мы видим снижение по темпу. Нижний график показывает ситуацию, когда регулирование отсутствовало бы совсем, а верхний – когда вот эта смычка финансового сектора и реального была наилучшей. Это все опубликовано. Кто заинтересуется, можно посмотреть.

Дело в том, что только в случае, когда мы перебрасываем ресурс, мы имеем небольшое снижение. Но обратите внимание, с 4 % до 3-2 % по верхнему графику. Но вот такой политики мы не видели по известным и уже озвученным причинам. Еще один важный структурный момент связан с тем, что структура секторов для России расположена по штриховой линии, график слева. То есть по линии d 1.3. Существует четкая группа секторов, где ожидаемый доход высокий при минимальных рисках, и где минимальному доходу соответствует наибольший риск.

Западные экономические структуры имеют расположение секторальной структуры по линиям АВ. Значит, стоит структурная задача. Либо мы организуем модель роста, опираясь на структуру по штриховой – это будет одна модель и один темп, мы выше головы не прыгнем – либо мы будем менять эту структуру и сделаем изменение структуры залогом новой модели роста. Это два совершенно разных подхода.

Мы посчитали отток численности по видам экономической деятельности. Он подтверждает, что из реальных секторов на протяжении всех 15 лет мы имеем кадровый отток в те или иные сектора, а транзакционные виды деятельности, в банковский сектор и так далее.

То же самое мы имеем по фондовой структуре. Мы имеем абсолютный отток ресурса из реального сектора с разной интенсивностью. Данные графики показывают соотношение относительного риска и доходности видов деятельности по трем группам секторов. Это финансовая деятельность, обрабатывающее производство и добыча полезных ископаемых. И мы видим структурную запирающую вилку. Обрабатывающие производства относительно высокорискованы и низкодоходны, а финансовая деятельность и добыча полезных ископаемых относительно высокодоходна и низкорискована. Без организации перелива ресурсов мы не сможем сформировать новую модель роста.

И последнее. Мы посмотрели уровень технологичности российской экономики и структуру старой и новой технологии. Цифры приведены. И показано, что технологический уровень снижался и снижается. Отток по численности занятых по **фунтам** [00:34:55] показан в таблице.

[00:34:58]

При этом финансирование приоритетов и новых технологий осуществлялось. То есть мы имеем подход с выбором приоритетов и с проектным методом, который не дает нам общее увеличение технологичности системы.

Если мы рассмотрим структуру старой и новой технологии, то увеличение расходов на старые технологии в процентах от ВВП дает нам увеличение общего технологического уровня, а на новые нет. В итоге можно сформировать несколько типов развития по структуре старые и новые технологии. Это предпринято, опубликовано. Для того чтобы обеспечить учет этих обстоятельств, необходимы добавочные аналитические усилия и исследования по следующим направлениям. Состояние старых производств, степень их износа и загрузки в текущем режиме. Приоритеты нам не дадут прорывов и должной динамики. Характеристики новых технологий и требующегося для них интерспецифического ресурса с организацией перелива ресурса из транзакционных и добывающих секторов в обработку. Обеспечение правил перелива и взаимозаменяемости ресурсов. Это проблемы замещения, сопряжения и дополнения технологий.

В качестве такого правила могут выступать сложившаяся межсекторальная структура, а также институты, которые влияют на оценку инвестиций. Учет уровня монополизма рынков, форма организации контрактов, включая международные. Состояние рынка труда, необходимо учитывать составы структуры устаревающих и новых технологий в режиме ядро-периферия и возможности денежно-кредитной и бюджетной политики, ориентированной на такую трансформацию экономической структуры, которая дала бы нам новую модель роста. Модель роста на первой фазе должна строиться за счет оживления валового потребления с преодолением кризиса потребления и подтягиванием инвестиционной компоненты. Но инвестиционная компонента при таких разрывах и такой технологической структуре, с учетом опыта, продемонстрированного по ее вкладу в предыдущий рост, не является панацеей, как и норма накопления. Большое спасибо!

Елена Ленчук: Спасибо, Олег Сергеевич! Очень интересно. Я хочу предоставить слово Балацкому Евгению Всеволодовичу, доктору экономических наук, директору центра макроэкономических исследований Финансового университета. Я знаю, что у него очень интересный доклад должен быть как раз по технологическому фактору.

Евгений Балацкий: Спасибо за приглашение! Я бы хотел обратить ваше внимание на маленькую закономерность, которая существует в деле экономического роста, в связи с этим привести ряд своих соображений и фактов.

Я бы хотел немного уйти в историю и напомнить о такой проблеме, которая стояла перед человечеством, как некоторые считают, около 10 тыс. лет. Это проблема так называемой мальтузианской ловушки. Это когда человечество буквально всю более или менее знакомую нам историю, а это действительно около 10 тыс. лет с эпохи неолита, примерно до 1600 года... Была такая проблема, что уровень душевого потребления и уровень душевого благосостояния замер на месте и не повышался. Цивилизации приходили и уходили, рождались, развивались, но сдвинуться с этой мертвой точки было довольно проблематично.

Это преодоление произошло примерно на протяжении 200-250 лет. Здесь обозначена дата. С 1600 года можно говорить о том, что это началось. За счет чего это произошло? На сегодняшний день современная наука дискутирует, гадает на этот счет. Это очень сложное, комплексное явление. Я предлагаю один из вариантов ответов. На мой взгляд, это произошло за счет появления в мире сверхприбыльных отраслей экономики, сверхприбыльных видов бизнеса.

[00:40:04]

Я здесь приведу примеры. Маленький теоретический аспект. Если аккуратно выписать уравнения экономического роста – конечно, я здесь не буду говорить, как это делается, но оно тривиально, оно вылезает из уравнения накопления капитала – то оказывается, что темпы экономического роста в левой части будут зависеть от некоторых параметров, в частности от прибыльности двух секторов.

Здесь мы специально рассматриваем два сектора. R – это обычный сектор, какая-то минимальная прибыльность. И R^* – это сектор, который обеспечивает какую-то суперприбыль. Из этого уравнения как следствие вытекает своего рода теорема, в соответствии с которой на начальных этапах развития, то есть когда происходило преодоление мальтузианской ловушки, это могло произойти только при наличии суперприбыльного сектора, рентабельность которого превышала 100 % годовых.

Чтобы проиллюстрировать этот тезис, здесь в табличке приведены некоторые параметры. Для нас ключевым является последний столбец. При разных параметрах, иногда более благоприятных, иногда менее, вот какие цифры должны быть. То есть мы видим, что всегда, даже в самом хорошем случае это больше 100 %, а иногда это почти 2 000 %.

Является ли такая рентабельность осмысленной и может ли такое существовать? Оказывается, если мы посмотрим в историю, то можно набрать ряд стилизованных фактов, которые говорят, что именно так и было. Например, акционеры Ост-Индской компании в Англии на протяжении XVII века стабильно получали 300 – 400 % годовых в качестве дивидендов. То есть это была норма. Впоследствии это снизилось, начали искать новые ниши, тем не менее это было. В конце XVIII века таможенные пошлины от импорта чая из Китая, ежегодно поступавшие в казну Великобритании, позволяли финансировать половину расходов на весь английский флот. Это всего лишь пошлина от Китая, то есть от монопродукта. Какова же была рентабельность этого бизнеса?

В начале IX века один рейс в год обеспечивал доходность опиумного бизнеса в 250 %. Таких рейсов можно было сделать много. А если учесть географию – переброс опиума происходил из Индии в Китай, то есть это расстояние не очень большое – можно было эту рентабельность доводить до 1000 %. В Голландии в XVII веке то же самое. Торговля пряностями обеспечивала 700 – 1000 % годовых.

Работоторговля. Вообще работоторговля – это уникальный феномен. Дело в том, что фактически выход из мальтузианской ловушки во многом состоялся благодаря этому бизнесу. Данные показывают, что известны случаи, когда этот вид бизнеса обеспечивал 1000 % и даже 2000 % годовых, потому что перевоз этих рабов был очень рентабельным.

И в качестве такого, может быть, даже курьезного примера, очень часто приводится случай из истории Нью-Йорка. Как известно сначала это был не Нью-Йорк, а Новый Амстердам. Голландцы пришли туда, и губернатор местной колонии Петер Минейт купил у местных индейцев за металлические побрякушки, брелоки и прочее всю территорию нынешнего Нью-Йорка. Даже по современным меркам то, что было затрачено – это на сегодняшний 500, максимум 700 долларов.

Благодаря этим операциям удалось выйти на те самые устойчивые темпы экономического роста, которых в Средневековье просто не было. Сегодня ситуация чуть-чуть улучшается, уравнение немного ослабляется, там есть дополнительные моменты, но проблема полностью не решается. Поэтому сегодняшняя ситуация аналогичная. Если мы хотим обеспечить устойчивые и достаточно высокие темпы экономического роста, все равно мы должны обеспечить устойчивое и очень интенсивное накопление капитала. Накопление капитала, которое обеспечит интенсивные инвестиции, часто определяется, прежде всего, рентабельностью капитала, то есть то, что бизнес получает.

[00:44:59]

На сегодняшний день есть много примеров о том, что до сих пор существуют виды бизнеса, которые дают поистине фантастическую, сумасшедшую норму прибыли. Здесь я чуть-чуть сделаю экскурс в историю. Например, в советское время ситуация была во многом похожая на нынешнюю, то есть нужно было запустить вот этот маховик экономического роста, в общем-то, в бедной, несчастной стране, в которой мало что было.

Оказывается, кинематограф был драйвером этого процесса. В свое время это было, были сделаны соответствующие заявления, и много что было в этом направлении сделано. Те цифры, которые есть, конечно, впечатляют. Даже самый неудачный в коммерческом отношении фильм Тарковского «Сталкер» в свое время прошел здесь, в СССР с рентабельностью 40 %, но на западе его провернули с рентабельностью в 300 %. Был фильм «Есения», люди старшего возраста помнят это. Он, оказывается, был закуплен, пошел в прокат в России и дал рентабельность, которую я нигде больше не встречал, почти 10 000 % годовых. То есть это совершенно ошеломляющие цифры, но это было. В среднем считалось, что вся советская киноиндустрия работала с рентабельностью 900 %. Не знаю кого как, но лично меня эти цифры впечатляют.

Сегодня ситуация на самом деле сильно не изменилась. Конечно, скорректировалась, но тем не менее имеют место аналогичные формы. Если мы возьмем кинематографический бизнес запада, Голливуд, я специально сделал выписки по пяти самым кассовым фильмам, все их наверняка видели. Посмотрите, какая норма рентабельности. Она доходит до 1 500 %. Это «Мир Юрского периода». Это короткий срок производства, очень быстрый прокат и очень высокая прибыльность.

Чтобы понять насколько это серьезно – это бизнес или это так, мелочь – я сделал расчеты. Они просто случайно совпали. В 2016 году бюджет Российского фонда фундаментальных исследований в точности совпадал с бюджетом фильма «Аватар». То есть фактически

одного фильма хватает на то, чтобы содержать всю науку по линии РФФИ в России. Вот масштаб этого сектора, естественно, при такой прибыльности.

В России ситуация, как ни странно, похожая. Я специально выписал пять самых кассовых российских фильмов. Если брать самые кассовые, это «Ирония судьбы. Продолжение», больше 1000 %. Это уже наша киноиндустрия. Процесс идет. То есть ниши, где можно получать огромную прибыль и дальше реинвестировать ее куда угодно.

Нефтедобыча. Об этом мы много говорим, но иногда просто возникает вопрос: почему же так много? Оказывается, себестоимость нашей родимой компании «Роснефть» настолько мала, что обеспечивать рентабельность даже при нынешних 50 долларах за баррель, это все равно больше 1000 % доходности. Если же брать пиковые моменты, когда почти под 150 долларов нефть была, то это вообще какие-то запредельные цифры, по 5 000 %. Отсюда многое становится понятным.

Рентабельность рынка мобильных устройств. Здесь компания Apple как пример. Здесь тоже если мы посмотрим вот этот последний столбец, то увидим, что годовая норма прибыли здесь имеется от 200 до 300 %. То есть тоже очень интересный вид бизнеса.

Более того, в России даже в достаточно недоразвитом, на мой взгляд, секторе фармацевтики, тоже имеются подобные примеры. Вот пять наиболее крупных фармацевтических компаний России. Можно видеть, что более 100 %, даже самая слабая компания из этих. И почти 550 %. Вот такие цифры. На самом деле экономисты часто не оперируют такими цифрами. Очень часто мы говорим 3, 5, 10, 15, 20 %, но чтобы сотни и тысячи процентов, это, как правило, считается за пределами возможностей.

[00:50:00]

Но оказывается, что такие виды бизнеса существуют, они прекрасно работают, они действуют. Что в этой ситуации можно и нужно делать? Я не готов давать какие-то простые рецепты, но мы сейчас ставим вопросы о приоритетах. Мне кажется, это немного не с той стороны. Мы здесь должны поставить приоритеты для кого-то. А кто-то будет их выполнять? Я думаю, что все вот эти приоритеты должен ставить сам бизнес, а они прекрасно видят, где норма прибыли, они видят, где доходность, они идут за ней, они борются за нее. Может быть, в этом смысле сам бизнес должен быть только более активен, а регулятор должен в какой-то степени помогать.

Приведу два примера, как предприниматель реагирует на это. Опять я приведу случай из киноиндустрии. Все прекрасно помнят фильм про Карлсона. Это бренд, всем этот фильм полюбился в свое время. Сейчас «Союзмультфильм» договаривается со Швецией о том, чтобы снять сериал про Карлсона. Совершенно очевидно, о чем здесь идет речь. О том, что наличие такого бренда и такой истории, в том числе истории успеха, позволит вывести этот проект на совершенно новые рубежи в части рентабельности. И соответственно, этот проект прорабатывается.

С точки зрения регулятора здесь очень интересно другое. Сейчас, например, в преддверие запуска фильма «Форсаж 8» идет разговор о том, чтобы его перенести, потому что он выходит буквально одновременно с российским фильмом «Время первых»,

№31. Круглый стол «Структурные приоритеты новой модели экономического роста России»

который имеет большое идеологическое значение. Уже есть разговор о том, что западный фильм может просто перебить отечественный и убить все сборы.

Поэтому в этой связи перед регулятором возникает большая, серьезная задача – организовать логистику таким образом, чтобы не нарушить рентабельность отечественного производителя. Мне кажется, эти примеры очень характерны для нынешнего времени. Если и регулятор, и сам бизнес это усилят, мне кажется, они найдут нужные ниши и обеспечат тот поток капитала, который позволит нам выйти на нужные темпы роста.

Елена Ленчук: Спасибо большое! Давайте выслушаем последнего выступающего и потом зададим вопросы и подведем итоги. Я хочу предоставить слово Ахапкину Николаю Юрьевичу, кандидату экономических наук, заведующему центром Института экономики РАН, который выступит с докладом «Социальные и трудовые факторы структурной модернизации российской экономики и формирование новой модели экономического роста».

Николай Ахапкин: Коллеги, тема моего выступления касается возможностей и ограничений структурной модернизации российской экономики со стороны трудовых ресурсов, людских ресурсов. Прежде чем перейти к этой теме, я обозначу отправную точку своего выступления. Определяя приоритеты развития экономики, очень важно учитывать всю совокупность условий развития, среду развития, которая определяет как возможности, так и ограничения такого развития. Без этого постановка даже самых значимых целей всегда останется просто декларацией. На мой взгляд, вот такой декларативностью как раз и грешит наша экономическая политика по меньшей мере трех последних десятилетий.

Из относительно недавнего, наверное, наиболее показательный пример – это концепция социально-экономического развития, действующий документ, но по сути, являющийся фактом экономической истории. Или федеральные целевые госпрограммы, которые при всей их значимости во многом являются простым инструментом распределения бюджетных средств.

[00:55:00]

Или если говорить о законах. Закон «О стратегическом планировании». Вряд ли кто-то будет спорить о необходимости. Но в его нынешнем виде закон не имеет не просто содержательных механизмов, но и предпосылок для реализации.

Теперь к вопросу об ограничениях и возможностях для структурной модернизации со стороны людских, человеческих, трудовых ресурсов. Этот вопрос имеет множество аспектов, касающихся и оценки качественных характеристик рабочей силы, и аспектов структурного свойства. Я затрону количественный аспект и отчасти структурный, прежде всего, о численности экономически активного населения, или как сейчас определяет Росстат, численности рабочей силы.

На нынешний момент – это январские данные текущего года – численность экономически активных людей около 76 млн человек. Очень интересна динамика этой

численности. Она представлена на этом рисунке. По всем прогнозам 10-летней, эта численность должна была снижаться. То есть по прогнозам сегодня она должна уменьшаться, но этого не случилось. Статистика нам показывает, все-таки линия тренда, при всех колебаниях тренд растущий.

Почему так получилось? Трудно дать точное объяснение. Но скорее всего, дело в том, что в силу миграционного притока в Россию, часть этого населения, пребывающего в Россию, перетекает в постоянное население. Там сложный механизм расчета, но другого объяснения я не вижу. Определенный вклад в этот рост, хотя и незначительный, внесло снижение смертности. Продолжительность жизни у нас, слава богу, в последнее время растет. Вот эта численность – 76 млн человек – достаточна для обеспечения экономического роста, проведения структурной модернизации. Прямой ответ – да/нет, я думаю, бессмысленный, потому что вот то совокупное предложение труда, которое есть, нужно принимать как данность. Возможности воздействия здесь крайне ограничены.

Другое дело, является ли имеющийся и ожидаемый объем предложения труда ограничителем экономического роста и структурных реформ. Здесь ответ можно конкретизировать. На мой взгляд, ответ отрицательный. Нет, не является. Посмотрим на отрасли, демонстрирующие относительно устойчивое развитие, отрасли реального сектора экономики, материального производства. Здесь рост вполне может сочетаться со снижением численности занятости.

Пример. Угольная промышленность, которую в последние годы вытягивает внешний спрос. Здесь устойчивая тенденция роста добычи при устойчивом снижении занятости. Я думаю, что все-таки перелива труда в реальный сектор, в сферу материального производства, в том числе в обрабатывающее производство, не будет. Его просто не должно быть. Также важно учитывать, что ответ достаточности, или напротив, нехватки предложения труда, всегда должен быть привязан к конкретной территории или группе территорий.

Один, на мой взгляд, очень показательный пример. Магаданская область. Регион с максимальным миграционным оттоком после 1991 года. Сейчас там проживает порядка 146 тыс. человек. То есть снижение численности населения в разы. С точки зрения демографии это катастрофа.

[01:00:02]

Но в последние годы здесь наблюдается достаточно устойчивый и более быстрый, чем в среднем по России и по ДФО, экономический рост. Значит, экономика приспособилась к снижению вот этого трудового ресурса, и начался достаточно устойчивый экономический рост. Пример с Магаданской областью – один из многих примеров, который позволяет говорить, что выделение приоритетов развития – а это конечно, дело и бизнеса, и государства – это не только отраслевая задача, но и задача, имеющая пространственный аспект. Такой пространственно-отраслевой подход критически необходим в условиях сложившейся и усиливающейся, и скорее всего, в обозримой перспективе непреодолимой фрагментации системы расселения, когда происходит концентрация

людских ресурсов на одних территориях, при становящихся все более безлюдными других, и последних все больше.

Теперь о другом ключевом показателе рынка труда, о безработице, и о состоянии этого рынка в целом. Конечно, в контексте проблематики структурной модернизации я замечу, что российский рынок труда уже довольно давно приобрел институциональную устойчивость. Траектория его развития задается доминирующими трендами развития экономики в целом. Это его свойство вполне определенно проявляется и в периоды экономического роста, и в периоды экономического спада.

Если обратиться к 2014 – 2016 годам, то в отличие от кризиса середины 2008 – 2009 годов, когда почти одновременно с резким ухудшением ситуации в реальном секторе и дестабилизации на финансовых рынках произошел резкий и существенный рост уровня безработицы, в последние годы ситуация иная. То есть движение идет и не по траектории V, значительное падение, быстрое восстановление, и не по L, существенное падение и долгая стагнация.

На этой диаграмме обозначена динамика безработицы. То есть резкая, внезапная смена повышательной тенденции на понижательную не произошла. Как мы видим, безработица отразила особенности движения российской экономики. Тут особо следует выделить 2014 год, такой рекордный год, когда безработица оказалась на самом низком за последние 20 лет уровне. В 2015 – 2016 году особых подвижек здесь нет. Уровень безработицы с учетом фактора сезонности стабилизировался на уровне от 5,5 до 5,9 %.

Обычная, стандартная макроэкономическая оценка современного состояния российского трудового рынка нам показывает, что рынок стабилен и достаточно устойчив, и его будущее особых тревог не вызывает. Но стоит ли за этой макроэкономической устойчивостью наше конкурентное преимущество? И можно ли эту стабильность рассматривать как условие, благоприятствующее проведению структурных реформ, возможно, жестких структурных реформ? Нынешняя глава правительства в одной из своих статей написал следующее: «По сравнению с другими странами со схожими темпами роста, Россия находится в уникальной ситуации: у нас низкая безработица». Исходя из этого, он предлагает уйти от политики сохранения занятости любой ценой, независимо от экономических соображений.

[01:05:02]

Иными словами, российский рынок труда, вот то состояние, в котором он находится, рассматривается, как фактор, способствующий жесткой структурной модернизации, ее облегчающий. Здесь я должен заметить, что вот такая макроэкономическая оценка состояния рынка труда все-таки является недостаточной. Дело в том, что сохранив макроэкономическую устойчивость, российский рынок труда сохранил и присущие ему проблемы структурного и институционального свойства. Они носят фундаментальный характер. Прежде всего, здесь нужно обратить внимание на существенную дифференциацию региональных трудовых рынков. Такая дифференциация сама по себе

№31. Круглый стол «Структурные приоритеты новой модели экономического роста России»

вполне естественна, но только в нашей стране она, конечно, носит чрезвычайно гипертрофированный характер.

Просто один пример. По последним, текущим данным о безработице самый высокий уровень у нас в Ингушетии, это около 30 %, самый низкий в Санкт-Петербурге – 1,6 %. Также я должен отметить и такой фактор, как гипертрофированное развитие периферийного сегмента российского трудового рынка.

Завершая отмечу следующее. Российский рынок труда устойчивый, но пока это устойчивость, обеспечивающая только выживание. Факторы, обеспечивающие модернизацию, только начинают формироваться. Это первое. Второе. На современном рынке труда, к сожалению, не найти столь необходимых стране конкурентных преимуществ и рассматривать его состояние как фактор, способствующий структурной модернизации – это ошибочный подход.

Елена Ленчук: Спасибо большое!

Из зала: Тема – «Структурные приоритеты новой модели экономического роста России». А тема-то раскрыта. Было сказано много разных вещей, совершенно не связанных с темой. Хотелось бы услышать с точки зрения структуры экономического роста и структурных изменений. Сегодня Балацкий выступал, доцент макроэкономических исследований. Вопрос очень непростой: скажите, пожалуйста, в чем причина медленной миграции капитала межотраслевой и страновой, в чем причина медленного развития скорости обращения этого капитала между отраслями? То есть то, что реально в первую очередь влияет на экономический рост и структурные изменения (нрзб.) [01:09:04]. Но самое главное, в чем проблема замедленного темпа роста перелива капитала из одной отрасли в другую, и вообще, (нрзб.) [01:09:15]

Евгений Балацкий: Я могу дать только свой собственный ответ, свою версию. Я считаю, что страна технологически отстает от развитых стран. В силу этого многие технологические сектора нам освоить сложно. Та же кинематография, о которой я говорил, это хай-тек. Например, когда снимался фильм «Титаник», только для того, чтобы снять всю эту инфографику, приглашались специалисты из 17 компьютерных фирм. Это же надо сделать все.

[01:10:00]

У нас просто нет таких технологических возможностей. Поэтому это, естественно, является препятствием для того, чтобы капитал активно внедрялся в эти сферы. Фармацевтическая промышленность, пожалуйста. Посмотрите, сейчас среди 10 крупнейших мировых компаний, 3 – это биотехнологические, фармацевтические компании. Где вы у нас видите такие крупные фармацевтические компании? Вы их видели? Их просто нет, их не существует. Просто нет этой технологической базы. Она просто должна быть создана. На это потребуется какое-то время. Вот и все. Как капитал может просто взять и прийти в такой суперрентабельный хай-тек сектор? Это довольно проблематично. Но тем не менее других вариантов нет, потому что это надо делать.

№31. Круглый стол «Структурные приоритеты новой модели экономического роста России»

Из зала: То есть Сколково надо создавать для того, чтобы создать точки привлечения капитала.

Евгений Балацкий: «Сколково» ничего не создает вообще. Просто сами предприниматели должны быть ближе к техническому прогрессу. Наверное, образование должно быть соответствующее.

Из зала: [00:11:02]-[00:11:08]

Евгений Балацкий: Для предпринимателя магнитом может служить только одно – это прибыльность этого сектора.

Из зала: Мы видим, что прибыльность [01:11:14] сектора... в каждом секторе есть [01:11:17] 1000 %, 500 %, то есть это явно [01:11:20]

Евгений Балацкий: Не никто не идет, просто некому идти. Что, сложно снять хороший мультфильм? Оказывается, сложно. Нет таких специалистов и нет столько людей, которые способны это делать. Вот и все.

Из зала: [01:11:40-00:15:00]

[01:15:10]

Елена Ленчук: Я хочу дать слово Владимиру Ивановичу Филатову.

Из зала: [00:15:17-00:15:50]

Елена Ленчук: Давайте про академиков не будем. Давайте ближе к теме. Мы вчера много говорили, и на пленарной эти вопросы поднимались. Давайте ближе к теме. Вы говорите, что тема не раскрыта. Владимир Иванович, дам вам слово.

Владимир Филатов: Я, конечно, должен поблагодарить всех наших докладчиков. Конечно, полностью раскрыть эту тему тяжело. На самом деле экономический рост – это такая комплексная проблема.

Из зала: Это не проблема, это необходимость для развития страны.

Владимир Филатов: Не надо меня перебивать.

Из зала: [01:16:40-01:16:50]

Владимир Филатов: Эта проблема многокомплексная потому что имеет аспект воспроизводственный, технологический, структурно-отраслевой, внешнеэкономический. Вы хотите все к проблеме сельского хозяйства. Да, это один из приоритетов, но один. Был раскрыт вопрос о воспроизводственном аспекте и структура с точки зрения воспроизводственных факторов экономического роста и темпов экономической динамики. Для экономистов это аспект, для сельскохозяйственников, наверное, нет. Там более конкретные вещи. Я даже скажу, что кинематография, как один из приоритетов тоже может рассматриваться, но только вряд ли мы здесь составим конкуренцию Голливуду, но даже индийскому Болливуду. Но работать с этим надо. Тут нет никаких вопросов.

В чем проблема роста? Старая модель экспортоориентированная, сырьевая, понятно, она свернулась. Возникает вопрос: что делать дальше? Угроза стагнации, достаточно длительной. Можно на многие годы впасть в стагнацию, где будет рост, хорошо, если 1,5 %. Специалисты, которые занимаются этим более конкретно с точки зрения факторов роста, Александр Александрович рассказал об этом, действительно на среднесрочном периоде, вряд ли на 4 % выйдем к 2000 году, и то надо как-то стараться.

Соответственно, возникает вопрос, что дальше? Мы у себя смотрим... есть вообще проблема развития страны. Если мы говорим о долгосрочном периоде, у нас есть проблема экономического роста для того, чтобы сокращать разрыв между подушевому ВВП между нами и нашими оппонентами, а он составляет разы.

Второе: надо преодолевать технологическую отсталость, чтобы быть технологически конкурентоспособными. Это тоже надо делать. Третий вопрос: надо менять экспортную структуру народного хозяйства. Об этом тоже говорят. По крайней мере, структурно есть три проблемы, на которые надо дать ответ. Понятно, что все это за пару лет не решить, но толчок какой-то надо давать, потому что если брать соотношение основных экономических индикаторов, то вроде не видно, за счет чего они сами будут меняться, за счет чего будут накопления возрастать, за счет каких рынков будет прирастать спрос.

[01:20:17]

Это будет рост потребления, а чем его наполнять? Импортная зависимость большая. Рост инвестиций – тоже проблема серьезная. Мы так оценивали по 2013 году: на каждый миллиард рублей 4 млн инвестиционного оборудования надо ввозить. Где брать ресурсы? Вот проблема. Что касается технологического сдвига, я согласен с вами. Резервы, наверное, есть большие. Вопрос: кто и как их начнет реализовывать? Они не реализуются, потому что нет системы интересов, в отличие от «Аватара». Вот в чем проблема.

Мы считаем, что для того, чтобы ситуацию несколько сдвинуть к экономическому росту, мы должны представлять себе проблему перспективных рынков, исходя из будущего видения страны. Мы должны на длительном горизонте, лет 15 – 20, представлять, какую страну мы хотели бы видеть, будущую картинку. Аватары будут летать или автомобили будут ездить без водителя, непонятно по каким дорогам. А потом уже смотреть, какая должна быть экономическая модель, какие институциональные преобразования надо делать, чтобы это как-то работало, кого стимулировать, какие воспроизводственные механизмы выстраивать. Вот о чем речь.

Мы считаем, что если смотреть, если формировать темпы роста исходя из спроса, то первое – это инфраструктурное обустройство страны, где ключевой момент – это жилищная программа, это доступное жилье. У нас среднедушевое сейчас – 20 метров общей жилой площади на человека против 40 метров в Европе. Говорят, в США под 70, но это трудно представить. Европейский уровень в два раза больше. Это без учета качества нашего жилья. Как я догадываюсь 5-этажки не только в Москве, но и по всей стране, и вряд ли они там более высокого качества.

Для того чтобы вводить хотя бы по метру на душу населения в год, надо увеличить объемы строительства жилья. Возникает вопрос: как его увеличить, где люди будут жить, что это вообще из себя должно быть технологически? Мы стягиваем все в города, и это сознательная политика, что мы вот эти каменные джунгли. Или наоборот, нам растаскивать по территории, осваивать территорию, опираясь на какие-то перспективные магистрали, скоростные и не очень. Вот проблема. А это экология, это за собой много чего ведет. Это и новые источники энергообеспечения, и так далее.

Из зала: [01:23:47]-[01:24:35]

Владимир Филатов: Второй приоритет с точки зрения рынков, это развитие технологического машиностроения. То, о чем вчера говорил товарищ Бабкин, это действительно есть, потому что у нас зависимость от производства машин и оборудования инвестиционного назначения.

[01:25:06]

Это проблема импортозамещения в этом секторе. И третий вопрос, третье направление – это экономика будущего, то, о чем обычно говорит товарищ Глазьев. Это правильно, это должно быть. Наверное, выход на внешние рынки предполагает, что мы должны формировать какие-то новые продуктовые рынки на основе новых технологий и пытаться обозначить себя на мировых рынках.

Это три приоритета с точки зрения формирования спроса. Для их удовлетворения нужна определенная политика, нужны трудовые ресурсы, их надо как-то мобилизовать в соответствии с этими приоритетами. Нужна финансовая политика, о которой тоже много говорится, которая бы тоже была ориентирована на финансирование вот этих приоритетов. То есть должны быть выстроены механизмы.

Должна быть кредитная миссия, но кредитная миссия – это не просто вброс денег, это формирование специального инвестиционного контура под конкретные проекты. Для того чтобы эти проекты иметь, нужно представлять, что страна должна из себя представлять в будущем. Спасибо! Я готов ответить на ваши вопросы.

Из зала: [01:26:54]-[01:27:32]

Елена Ленчук: Коллеги, мы можем подискутировать в перерыве между сессиями, у кого будут вопросы. Конечно, точек зрения много. Наше время подошло к концу. К сожалению, ограниченные рамки не дают возможности высказать, выслушать все точки зрения, ответить на все вопросы. Конечно, это комплексная и широкая проблема. Каждый ее понимает по-своему. Поэтому возникает какая-то неудовлетворенность, когда вы не можете услышать ответы на свои вопросы. Мне кажется, что если бы все было так просто, мы бы сегодня развивались другими темпами. На этом я вас поблагодарю за то, что вы пришли на нашу сессию и предлагаю ее закрыть.

[01:28:30]